

Д. Э. Летняков¹ИДЕЯ ИМПЕРИИ И НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
КАК НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Советский период имеет особое значение для судьбы националистической и империалистической идеи в России, поскольку именно в эту эпоху указанные идеи из сугубо элитного дискурса проникли в массовое сознание наших соотечественников. Это было связано с советской модернизацией, которая среди прочего впервые за много веков по-настоящему перевернула традиционный уклад жизни русского крестьянства: была упразднена передельная община, началась форсированная индустриализация страны, что вело к «вымыванию» из деревни значительной массы населения. Параллельно и в саму деревню все активнее проникают различные модернизационные тенденции: развиваются средства коммуникации между городом и селом, начинается «культурная революция», строятся школы и дома культуры, появляются радио, газеты и кино.

Какое отношение эти явления имели к национализму? Известно, что для возникновения нации как социального конструкта нужны определенные условия. Принцип национализма начинает заменять собой прежнюю лояльность населения правящей династии и господствующей церкви лишь с конца XVIII — начала XIX века, но для того, чтобы смена лояльностей произошла, необходима модернизация общества, включающая урбанизацию, создание общегосударственной системы школ, развитие коммуникаций между разными частями страны, разрушение сословных перегородок и т. д. Только после осуществления указанных процессов солидарность между людьми, родившимися в одной деревне или молящимися в одной церкви, заменяется солидарностью между людьми, живущими

в одной стране и говорящими на одном языке. Последнее и есть идея нации.

Иными словами, необходимо принципиальное изменение социального бытия людей, для того чтобы «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон) под названием «нация» проникло в их сознание. Ранее крестьянские массы не воспринимали себя в качестве французов, немцев или англичан — слишком велики были языковые и вообще региональные различия между частями страны, слишком замкнуто друг от друга существовали отдельные локальные сообщества и т. д.

Существует классическая работа Ю. Вебера, в которой он показывает, что национальное самосознание у французских крестьян возникает лишь к началу Первой мировой войны, и происходит это вследствие целенаправленных усилий со стороны государства². Данное замечание равным образом справедливо и для русских крестьян (вплоть до сталинской коллективизации они составляли подавляющее большинство населения нашей страны — не менее 85 %), идентичность которых также в течение многих веков ограничивалась принадлежностью к общине, православной церкви и подданством царю. Более того, в дореволюционной России описанная ситуация усугублялась отсутствием системы всеобщего образования, слабым уровнем урбанизации, сохранением многих сословных пережитков, довольно поздним появлением представительного органа и т. д. Поэтому Р. Суни был прав, когда писал, что «царское правительство не смогло превратить крестьян в русских»³, и народное сознание вплоть до советской эпохи было донациональным. И лишь социальные трансформации советского периода принесли широким массам населения национальную идентичность. Формирование национальной идентичности затронуло, естественно, и другие этнические группы, но мы ограничимся в этом описании только русскими как крупнейшей частью российской политической нации.

¹ Заместитель заведующего Сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки истории русской политической мысли» (учеб. пособие), «Всегда ли «культура имеет значение»? О продуктивности культурцентричных подходов в политической науке», «Существует ли «российская цивилизация»? Опыт критического анализа цивилизационных концепций», «Истоки гражданской политической традиции в России», «О способности русского мира к демократии. Попытка оптимистической интерпретации отечественной истории», «Полемика нестяжателей и иосифлян как предмет политологического исследования» и др. Член Российской ассоциации политической науки.

² Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford, 1976.

³ Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского. Казань, 2004. С. 188.

То же касается и идеи империи. Распространено убеждение, что имперское сознание в России существует едва ли не со времен Ивана Грозного, что русские на протяжении большей части своей истории являются имперским народом. В действительности же крестьянин имел весьма смутные представления о государственных институтах и политических процессах, происходящих в стране, они были ему чужды и непонятны. Все авторы XIX — начала XX века, исследовавшие особенности крестьянского сознания (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Энгельгардт и др.), подчеркивали факт радикального отчуждения крестьян от властных институтов, находящихся за пределами общины, писали о недоверии народа ко всему, что исходит от власти (например, крестьяне боялись попасть в суд даже в качестве свидетелей), «локализме» и стихийном анархизме крестьянского мировоззрения. Поэтому крестьянские массы никогда не идентифицировали себя с имперскими институтами, не понимали геополитические задачи, которые империя ставила перед собой, им была абсолютно чужда идея русского мессианства (хотя бы потому, что они не ощущали себя русскими) или мессианства православного, так как народное православие — это прежде всего что-то простое и наивное (окропление пашни святой водой перед началом сева или свеча в храме «за упокой души»), а не сложная метафизика концепции «Москва — Третий Рим». Советская модернизация покончила с традиционным крестьянским мировоззрением. Абстракции нации и государства, недоступные неграмотным крестьянам прежней эпохи, постепенно вошли в сознание советских людей, в том числе живущих в деревне.

Еще один важный момент заключался в том, что вместе с форсированной индустриализацией страны, необходимой на случай военного противостояния с капиталистическими государствами, власть начинает возрождать и русский патриотизм. С начала 1930-х годов в связи с отказом большевиков от идеи мировой революции уходит в прошлое и прежнее отношение к России как к «тюрьме народов», начинается восстанов-

ление позитивного образа дореволюционной России. В реанимированной имперской парадигме русские как крупнейший народ страны занимают особое место — достаточно вспомнить знаменитое выступление Сталина на приеме в Кремле вскоре после Победы, в котором он говорит о русском народе как о «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза», как о народе, играющем роль «руководящей силы в великом Советском Союзе»¹. В условиях модернизированного общества эти имперские идеи уже не были достоянием узкой прослойки образованных людей, теперь они находили отклик и в массовом сознании.

Можно долго спорить о том, был ли СССР империей. Во всяком случае это было импероподобное образование, использовавшее элементы имперской политики. И русские в этой империи являлись «государствообразующим» народом — крупнейшим по численности; народом, чей язык был *lingua franca* на всей территории страны, представители которого вместе с национальными кадрами занимали руководящие посты во всех пятнадцати республиках. Образ «старшего брата» применительно к русским активно использовался в историческом нарративе, культуре, официальной пропаганде. Русских в качестве имперского народа воспринимало титульное население республик; русские во многом и сами ощущали себя именно так.

Таким образом, необходимо понимать, что, когда мы рассуждаем о русских применительно к досоветской эпохе, используем прием постфактической рационализации, то есть, мысля сегодня в национальных категориях, мы задним числом включаем в члены русской нации наших далеких предков, не знавших о том, что они русские. Кроме того, когда мы говорим о тех же русских как об имперском народе, игнорируем специфику политической культуры традиционного крестьянства, которое не могло разделять никаких имперских идей. Имперская и национальная идентичность — это один из элементов советского наследия, доставшегося нам от этой поворотной во многих отношениях эпохи.

¹ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. С. 42.